

Даля Трускиновская

Роман для клерков

*Часть сборника
Герои. Другая реальность
(сборник)*

Даля Трускиновская

Роман для клерков

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164368

Аннотация

«— Садись сюда, сынок, отодвинь одеяло. Вот так, хорошо, не бойся, бедро мое не болит, доктор Лавлесс прописал хорошее растирание. Я виноват перед тобой, сынок, очень виноват. Мы раньше должны были побеседовать об этом... Вот ты уже уговорил мамочку, уговорил деда с бабушкой, вот ты уже заказал себе матросский сундучок, и ходишь гордый, как будто тебе предстоит открыть еще какой-нибудь континент...»

Даля Трускиновская

Роман для клерков

– Садись сюда, сынок, отодвинь одеяло. Вот так, хорошо, не бойся, бедро мое не болит, доктор Лавлесс прописал хорошее растирание. Я виноват перед тобой, сынок, очень виноват. Мы раньше должны были побеседовать об этом... Вот ты уже уговорил мамочку, уговорил деда с бабушкой, вот ты уже заказал себе матросский сундучок, и ходишь гордый, как будто тебе предстоит открыть еще какой-нибудь континент. И семья не могла тебе возразить – чуть что, ты становился в позу трагического актера, задирает нос и возглашал: «Я иду по стопам отца! В моей жизни все будет, как в отцовской книге! И я прославлюсь!»

Да и во всей старой доброй Англии не нашлось бы человека, который смог возразить. Кроме, разве что, хитрого, как бес, Джереми о’Нила. Чертов ирландец прекрасно знает душу человеческую – и правды из него теперь плетью не выбьешь.

Всем своим богатством и всеми неприятностями я обязан этому треклятому ирландцу!

До сих пор не знаю, как вышло, что два часа спустя после знакомства, да и встретились-то мы в грязной таверне, словно в насмешку прозванной «Золотая лань», я уже готов был рассказать ему не только прошлое свое, но и будущее.

Точнее, я начал с будущего...

– Боб, – сказал он, – все, что ты привез из дальних странствий, это твоя собственная шкура, продырявленная мушкетными пулями, да пустая голова. Ты полагаешь, кому-то нужна правда о твоих приключениях? Да каждый английский моряк к сорока годам наживает их не менее, а то и поболее твоего! Вот ты сейчас собрался купить четыре стопки хорошей бумаги, очинить впрок сотню перьев и написать книгу, которую будет читать весь Лондон. Хорошо, говорю я, пиши! Трать драгоценное время! В чем же достоинство твоей книги? Ты предлагаешь читателю приключения, которые развлекут его на день-два, не более. То же самое делает известный мне Гарри Каттер – и живет сносно только потому, что приносит своему издателю в месяц по книжке. Что ты будешь делать, когда правда кончится?

– Писать еще, у меня бойкое перо, – отвечал я, потому что после третьей кружки эля сам был в этом искренне убежден.

– Этого мало, мой юный друг.

Лет мне тогда было под сорок, юностью я отнюдь не благоухал. А Джереми, если только он не врал, исполнилось тридцать, но он был из той породы людей, на ком с рождения висит ярлычок со словами «старый пройдоха».

– Всякий клерк, читая мои приключения, вообразит себя мною, – продолжал я, – и будет счастлив хоть ненадолго скрыться из своего скучного мирка в моем блистательном мире!

– Вот это ты, забодай тебя лягушка, здорово придумал! – воскликнул Джереми. – Блистательный мир – этого-то нашему клерку и недостает! Но у тебя и у клерка разное понятие о месте, где хочется укрыться от тупой суеты. Сделаем так – ты напишешь первую главу и покажешь мне. А я укажу тебе на все ошибки, заставлю переписать неудачные куски, объясню, как...

Он резко наклонился, и кружка из-под эля угодила в стену.

Из таверны нас выводили вшестером.

Уже на следующий день я кое-что мог разглядеть левым глазом. С рукой было хуже – в свалке мне наступили на запястье. Кости уцелели чудом, и три дня спустя я уже мог взяться за дело. Все равно у меня других занятий не было – покидая таверну, я провалился ногой в какую-то мерзкую дыру и теперь мог ступать только на самые кончики пальцев.

Я исписывал страницу за страницей и ржал от восторга, словно жеребец на пастбище. Юность моя представала предо мной во всех ее очаровательных подробностях, и я заново наслаждался ею – насколько позволяла боль в боку. Проклятый Джереми, возможно, сломал мне ребро, или же там образовалась внушительная трещина.

Закончив первую главу, я решил, что пора мириться. В конце концов, из всех моих знакомцев только Джереми немного разбирался в изящной словесности. Иными словами – только он мог воспеть мне заслуженную хвалу.

Я нашел его на чердаке убогой гостиницы неподалеку от собора святого Петра, который никому не суждено увидеть достроенным до конца. Он орал на четырех языках, что не желает меня видеть, но прислуга, не обученная португальскому и тому английскому, на котором говорят в колониях, впустила меня к нему.

– Послушай, Джереми, мой друг! – начал я. – Вот то, что сделает нас богачами! По крайней мере, теперь ты сможешь оплатить услуги доктора, который каждый день поднимается в эту жалкую обитель, чтобы перебинтовать твои раны, а это уже кое-что! Слушай!

Я сел на единственный стул и принялся вдохновенно читать первую главу. Он сперва перебивал, потом умолк. Когда я замолчал, он не сказал ничего – только отвернулся к стене.

– Зависть не украшает моряка, Джереми, – сказал я ему. – Конечно, тебе не дано написать о своей юности так причудливо и захватывающе. Но у тебя есть другие добродетели. Не всем же быть модными писателями.

– Болван, – отвечал он. – Эта писанина никому не нужна. Ты совершил самую страшную ошибку – не представил себе воочию своего читателя.

– А чего тут представлять? – удивился я. – Мы же с самого начала решили, что читатель этот – клерк из торговой конторы, каких в Лондоне, пожалуй, тысяч десять. Это человек, которого в юные годы усадили переписывать бумаги, потом доверили ему конторские книги, и он пятьдесят лет только

этим и занимался. Это человек, который горько оплакивает мечты молодости и хочет хотя бы в книге подышать воздухом странствий и приключений.

– Когда ты в последний раз видел живого клерка, Боб? – спросил Джереми.

– Я сам был этим клерком! – возмутился я, потом подумал и добавил: – Два месяца.

– Ступай, дитя мое, – горестно прошептал он. – Ступай к издателю. А я отрясаю прах от ног своих.

И он действительно дрыгнул левой ногой – правая была забинтована и примотана к доске, как это иногда делается при переломах.

– Нет, Джереми, нет! Не покидай меня! – вскричал я. – Что я сделал не так?

Два часа я бился с этим проклятым ирландцем, прежде чем он сообразоволил повернуться ко мне лицом.

– Ну что же, – сказал он наконец. – Может, ты еще не совсем безнадежен. Итак, ты описываешь свои юные годы. Ты живо изображаешь, как в четырнадцать лет соблазнил служанку своей матери. Скажи, о мой юный друг, как ты полагаешь – сколько мальчиков начали свое знакомство с прекрасным полом именно путем соблазнения материнской служанки?

– Угодно ли тебе услышать точную цифру? – ехидно осведомился я.

– Нет, я просто ищу способ заставить тебя задуматься.

Большая часть лондонских клерков лишилась невинности именно так, без затей, потому что денег на проституток у них не было. Увы – в объятиях старой жирной служанки, которой уже все равно, кого пускать в свою постель, потому что если она будет задирать нос, то и этого не получит...

– Побойся Бога, Джереми! Моя Дженни была хороша как майская роза и...

– Кому ты это рассказываешь? Давай сюда первые страницы.

Я помог ему устроиться поудобнее, и мы взялись за дело.

– Итак... «Я родился в 1632 году в городе Йорке в зажиточной семье иностранного происхождения... Мой отец... фамилия моего отца была...» Ладно, сойдет. «Так как в семье я был третьим, то меня не готовили ни к какому ремеслу, и голова моя с юных лет была набита всякими бреднями». Хорошая фраза. Читатель сразу видит, что ты не лжец и лгать не собираешься. Дальше... «Довольно сносное образование... мечтал о морских путешествиях...» Вот! Вот это место, где ты после отцовской трепки ищешь утешения в объятиях служанки. Никакой трепки не было.

– Как же не было? Две оплеухи, а потом...

– А я тебе говорю – не было. Ты тут живописуешь, как твой покойный батюшка спустил с тебя штаны и выдрал тебя старой перевязью от шпаги. Ничего этого не было.

Джереми изъял из стопки страницу, скомкал и бросил на пол.

– Но почему?

– Потому что ты хочешь пригласить клерка в блистательный мир. И первым делом сообщаешь, что там могут парня выдрать перевязью от шпаги. Итак, дитя мое, сколько в Лондоне клерков?

– Не меньше десяти тысяч.

Я назвал эту великолепную цифру сгоряча – но Джереми кивнул.

– Это похоже на правду. Ты ведь хочешь, чтобы каждый клерк, придя вечером со склада или из торговой конторы, а то и из адвокатского бюро, первым делом схватился за твою книгу? За которую он заплатил деньги, пожертвовав ради книги новыми чулками или модными пряжками для башмаков? Так не сообщай же ему того, что он и без тебя прекрасно знает. Не зли его воспоминаниями о том, что он испытал на собственной шкуре.

– Всех в детстве пороли, – неуверенно возразил я.

– Еще бы! Но для тебя это теперь – крошечная неприятность по сравнению с боевыми ранами. Ты бился с пиратами, ты попал в плен, ты бежал из плена, ты вел себя, как настоящий мужчина, ты одерживал победы над врагами, а клерк? Для него это – основательная неприятность, тем более, что он остался побежденным, униженным, рыдающим. Ты непременно хочешь напомнить ему об этом? Садись, пиши!

У него было дурно очиненное перо, а в чернильнице пла-

вали дохлые мухи, но я, подстегиваемый любопытством, сел к столу и на оборотной стороне счета от квартирной хозяйки под его диктовку написал:

«Отец мой, человек степенный и умный, догадывался о моей затее и предостерегал меня серьезно и основательно. Однажды утром он позвал меня в свою комнату, к которой был прикован подагрой, и стал горячо меня укорять. Он спросил, какие другие причины, кроме бродяжнических наклонностей, могут быть у меня для того, чтобы покинуть отчий дом и родную страну, где мне легко выйти в люди, где я могу прилежанием и трудом увеличить свое состояние и жить в довольстве и с приятностью...»

– Вот что сказал тебе твой почтенный батюшка, – прервав диктовку, заявил Джереми.

– Да он и слов-то таких не знал.

– Пиши дальше. «Затем отец настойчиво и очень благожелательно стал упрашивать меня не ребячиться, не бросаться, очертя голову, в омут нужды и страданий, от которых занимаемое мною по моему рождению положение в свете, казалось, должно бы оградить меня».

– Старик скончался бы от желудочных колик, если бы услышал эту бодягу.

– Но клерк будет доволен!

– Почему?!

– Потому что в блистательном мире разговаривают толь-

ко так, осел! Больно нужно ему слушать речи, которых и в жизни более чем достаточно! Так, что там у тебя дальше? Роман с прекрасной булочницей? Выбрасываем. Прекрасная сапожница? К черту!

Я отнял у него рукопись и молча заковылял к двери.

Два дня я не прикасался к перу и бумаге. Не только обида владела мной – я хотел понять, чем моему бешеному ирландцу не понравилась белокурая булочница Полли Браун. В воспоминаниях моих она была и добра, и безотказна, чего же еще?...

И тут мне на ум пришла моя кузина Бетти Смит. Мы были ровесниками и несколько раз неумело поцеловались на темной лестнице. Я строил безумные планы, как проберусь в ее спальню по веревочной лестнице, но кузину спешно сговорили замуж за пожилого стряпчего. А я пребывал в таком помутнении рассудка, что всякий шорох женской юбки вводил меня в сущее безумие. Еще хорошо, что я покусился на булочницу Полли, а не на ее мамашу. И потом пришлось долго улаживать это дело, чтобы белокурая чертовка не пожаловалась отцу.

Кажется, я начал понимать, что имел в виду Джереми. Бедный клерк, мой будущий читатель, был обречен на унылые и кратковременные романы с женщинами, которые принадлежали другим мужчинам. Ведь никто в здравом уме и твердой памяти не отдаст за него свою дочь. И впрямь, зачем дразнить беднягу?

Я сел за стол и приступил сразу к делу.

«Как то раз, во время пребывания моего в Гулле, один мой приятель, отправлявшийся в Лондон на корабле своего отца, стал уговаривать меня уехать с ним, пуская в ход обычную у моряков приманку, а именно, что мне ничего не будет стоить проезд. И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, даже не уведомив их ни одним словом, а предоставив им узнать об этом как придется, – не испросив ни родительского, ни божьего благословения, не приняв в расчет ни обстоятельств данной минуты, ни последствий, в недобрый – видит бог! – час, 1-го сентября 1651 года, я сел на корабль моего приятеля, отправлявшийся в Лондон. Никогда, я думаю, злключения молодых искателей приключений не начинались так рано и не продолжались так долго, как мои. Не успел наш корабль выйти из устья Гумбера, как подул ветер, и началось страшное волнение. До тех пор я никогда не бывал в море и не могу выразить, до чего мне стало плохо...»

Я хотел было описать, как первый в жизни приступ вывернул меня наизнанку, но перо замерло над бумагой, и даже большая капля чернил замерла на его кончике, не срываясь. Бедному клерку наверняка было знакомо это гадкое ощущение – и потому я завершил фразу так:

«... и как была потрясена моя душа».

Дальше было легче – я описал, как мы пришли на ярмутский рейд, где были вынуждены бросить якорь и простояли

при противном, а именно юго-западном, ветре семь или восемь дней. Долго думал, сообщать ли клерку, сколько пунша мы там выпили. Решил, что незачем будить в его душе такой скверный порок, как зависть.

А потом я вспомнил про шторм – про настоящий шторм, а не ту качку, которая так меня перепугала.

«Ярмутский рейд служит обычным местом стоянки для судов, которые дожидаются здесь попутного ветра, чтобы войти в Темзу. Мы вошли бы в реку с приливом, если бы ветер не был так свеж, а дней через пять не задул еще сильнее. На восьмой день утром ветер еще посвежел, и понадобились все рабочие руки, чтоб убрать стеньги и плотно закрепить все, что нужно, чтобы судно могло безопасно держаться на рейде. К полудню корабль стало сильно раскачивать; он несколько раз черпнул бортом, и раза два нам показалось, что нас сорвало с якоря. Тогда капитан скомандовал отдать шварт. Таким образом мы держались на двух якорях против ветра, вытравив канаты до конца...»

Тут я задумался – знает ли клерк, что такое шварт? И, сообразив, что впереди у нас с читателем еще много морских словечек, пошел мириться к Джереми.

Он выслушал меня довольно мирно.

– Боб, ты на верном пути, – сказал он. – Пиши со всеми подробностями. Не жалея морских словечек! Чем непонятнее – тем страшнее! Лучше всего, чтобы у тебя там порывом

ветра снесло мачту, волной пробило борт, а в дырку влезло щупальце страшного кракена. Это клеркам понравится.

Мне показалось странным, что Джереми так живо представляет себе эту неприятность, словно сам стоял в трюме по пояс в ледяной воде и отбивался от чудовища.

– Ты же сам сказал, что их незачем пугать неприятностями, – напомнил я.

– Неприятности бывают разные. Скажем, страшное чешуйчатое щупальце, которое вместе с водой врывается в трюм, хватает беднягу матроса и тащит его в черную пасть, – неприятность приятная. Очерь отрадно читать об этом, сидя в своей маленькой теплой комнатке, со стаканом грога в руке. Только тут такая беда – наш клерк наверняка уже читал про страшного кракена в другом романе, он примется сравнивать, искать ошибки. Ну, ты понимаешь...

– Ничего себе приятная неприятность! Ты когда-нибудь пытался перерубить топором щупальце кракена?

Джереми уставился на меня с некоторым подозрением.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что видел его?

– И видел, и вопил с перепугу, зажмурившись, пока мне не дали хорошую оплеуху и не всучили топор!

– Хорошо, Боб, хорошо, успокойся, мы понемногу дойдем до того места в романе, где ты повстречал кракена. Итак...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.